

Ганс Христиан Андерсен

Ромашка

Часть сборника
Большая хрестоматия для
начальной школы (сборник)

Ганс Христиан Андерсен

Ромашка

Серия «Хрестоматии для начальной школы»

Серия «Большая хрестоматия для начальной школы»

Серия «Зарубежная литература»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4234625

Большая хрестоматия для начальной школы: Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-56619-8

Аннотация

«Вот послушайте-ка, что я расскажу.

За городом, у самой дороги, стояла дача. Ты, верно, видал её? Перед ней небольшой садик с цветником, а вокруг крашеный деревянный забор...»

Ханс Кристиан Андерсен

Ромашка

Вот послушайте-ка, что я расскажу.

За городом, у самой дороги, стояла дача. Ты, верно, видал её? Перед ней небольшой садик с цветником, а вокруг крашеный деревянный забор.

Неподалёку от дачи, у самой канавки, росла в мягкой зелёной траве крохотная ромашка. Солнечные лучи грели и ласкали её так же, как и роскошные садовые цветы, и наша ромашка росла не по дням, а по часам. В одно прекрасное утро её мелкие ослепительно белые лепестки наконец раскрылись и, словно лучи, окружили жёлтое сердечко посередине. Ромашку ничуть не заботило, что её никто не видит в густой траве и что она такой простой и невзрачный цветок, – нет, она была довольна всем; повернувшись к солнцу, она любовалась им и слушала, как где-то высоко-высоко в небе поёт жаворонок.

Ромашка была так счастлива, как в большой праздник, – а был всего только понедельник; все дети сидели в школе и чему-нибудь учились. Наша ромашка тоже сидела на своём зелёном стебельке и училась у ясного солнца и у всего вокруг и думала, как бог всё хорошо устроил. Ромашке казалось, что жаворонок так понятно и красиво поёт о том, что чувствует она сама; и она почти с благоговением смотрела на счастливую пташку, которая летала и пела. Но сама ромашка ничуть не печалилась, что не может ни петь, ни летать. «Я ведь вижу и слышу! – думала она. – Солнце освещает меня, ветерок целует. О, как много мне дано!»

За забором цвело так много важных, гордых цветов, и чем меньше они благоухали, тем больше важничали. Пионы раздувались – им хотелось стать крупнее роз; но дело вовсе не в величине. Пестрее всех были тюльпаны, они отлично знали это и старались держаться возможно прямее, чтобы больше бросаться в глаза. Все они не замечали молодой ромашки, росшей по другую сторону забора. Зато ромашка часто заглядывалась на них и думала: «Какие они нарядные, красивые! К ним непременно прилетит в гости прелестная птичка! Слава богу, что я расту так близко и вижу всё это великолепие!» Только она это подумала, «квирревит» – и жаворонок спустился... не в сад к пионам и тюльпанам, а прямо на траву к скромной ромашке! Ромашка так растерялась от радости, что просто не знала, что и думать.

Птичка прыгала вокруг ромашки и распевала: «Ах, какая мягкая травка! Какой миленький цветочек в серебряном платьице, с золотым сердечком!»

Жёлтое сердечко ромашки и в самом деле сияло, как золото, а ослепительно белые лепестки отливали серебром.

Ромашка была так счастлива, так рада, что и сказать нельзя. Птичка поцеловала её, спела ей песенку и опять взвилась в синее небо. Прошла добрая четверть часа, пока ромашка пришла в себя. Сконфуженная, но в душе очень довольная, взглянула она на цветы в саду, – они ведь видели, какое счастье и какая честь выпали ей на долю, кому же и оценить это, как не им! Но тюльпаны ещё больше заважничали и, обиженные, покраснели с досады, а толстоголовые пионы надулись. Хорошо, что они не умели говорить, – досталось бы от них ромашке. Бедняжка сразу поняла, что они не в духе, и от души пожалела их.

В это время в садике показалась девушка с острым, блестящим ножом в руках. Она подошла прямо к тюльпанам и принялась срезать их один за другим. Ромашка ахнула: «Какой ужас! Теперь им конец!» Срезав цветы, девушка ушла, а ромашка порадовалась, что растёт за забором в траве, где её никто не видит. Она поблагодарила судьбу, а когда солнце село, свернула лепесточки, заснула и всю ночь видела во сне солнце и маленькую птичку.

Утром, когда ромашка опять расправила лепестки и протянула их, словно руки, навстречу воздуху и свету, она узнала голос жаворонка: птичка пела – но как грустно! Бедняжка попала в западню и сидела теперь в клетке, висевшей у раскрытого окна. Жаворонок пел о том, как отраднo летать на свободе, над свежей зеленью полей, о том, как хорошо и привольно было ему подниматься ввысь на своих крыльях. Тяжело, тяжело было у бедной птички на сердце, – она была в плену.

Ромашке всей душой хотелось помочь пленнице, но как это сделать? И она совсем перестала замечать, как хорошо вокруг, как греет солнце, как блестят её белые лепестки; она думала только о бедной птичке и о том, что ничем не может ей помочь.

Вдруг из садика вышли два мальчугана; у одного из них в руках был такой же большой и острый нож, как тот, которым девушка срезала тюльпаны. Мальчики подошли прямо к ромашке, которая никак не могла понять, что им было тут нужно.

– Вот здесь можно вырезать славный кусочек дёрна для нашего жаворонка! – сказал один из мальчиков и, глубоко запустив нож, начал вырезать четырёхугольный кусок дёрна; ромашка очутилась как раз в середине его.

– Сорви цветок! – сказал другой мальчик; и ромашка затрепетала от страха: если её сорвут, она умрёт, а ей так хотелось жить, чтобы попасть в клетку к бедному пленнику!

– Нет, лучше оставь, – сказал первый из мальчиков. – Так красивее.

И ромашка попала в клетку к жаворонку.

Бедняжка громко жаловался на свою неволю, метался и бился о железные прутья клетки. Бедная ромашка не умела говорить, не могла утешить его ни одним словом, хоть ей очень этого хотелось! Так прошло всё утро.

– Тут нет воды, – жаловался жаворонок. – Они забыли дать мне напиться. У меня пересохло в горле. Я весь горю, и меня знобит. Ах, мне тяжело дышать! Я должен умереть, расстаться с солнечным светом, со свежей зеленью, со всем божьим миром!

Чтобы хоть сколько-нибудь освежиться, жаворонок глубоко вонзил свой клюв в свежий, прохладный дёрн; тут он увидел ромашку, кивнул ей, поцеловал её и сказал:

– И ты завянешь здесь, бедный цветик! Взамен всего мира, которым я владел на воле, они дали мне тебя да этот клочок зелёного дёрна. Каждая травинка должна быть для меня зелёным деревцем, каждый твой лепесточек – благоухающим цветком! Увы! Вы все только напоминаете мне, чего я лишился!

«Ах, чем бы мне утешить его!» – думала ромашка, но не могла шевельнуть ни одним листочком, зато её нежные лепестки благоухали гораздо сильнее, чем обычно. Это заметил и жаворонок и, хотя он изнемогал от жажды, не тронул ромашки, а только выщипал всю траву.

Вот и вечер пришёл, а никто так и не принёс воды бедной птичке. Тогда она распустила свои красивые крылышки, судорожно затрепетала ими и ещё несколько раз жалобно пропищала:

– Пить! Пить!

Потом головка её склонилась набок и сердечко разорвалось от тоски и муки.

Ромашка не могла свернуть своих лепестков и заснуть, как накануне: она поникла, грустная и больная, и склонилась к земле.

Только на другое утро пришли мальчики и, увидав мёртвого жаворонка, горько-горько заплакали, потом вырыли ему могилку и всю её украсили цветами, а мёртвого жаворонка положили в красивую красную коробочку – его хотели похоронить по-царски. Бедная птичка! Пока она жила и пела, они забывали о ней – посадили её в клетку и заставили страдать от жажды, – а теперь устраивали ей пышные похороны и проливали над ней горькие слезы!

Дёрн с ромашкой был выброшен на пыльную дорогу; никто и не подумал о той, которая всё-таки больше всех любила бедного жаворонка и всем сердцем желала утешить его.

